

Слава ЗАЙЦЕВ:

ПЕРЕЖИТЬ ПЕРЕЖИТОЕ

принципам, он расстался с тем, что в течение пятнадцати лет было как бы его почерком — линией плеча, большими объемами, усложненностью кроя и оформлении.

Мотивы моды XIX столетия — ампира, романтизма, модерна, к которым обратился художник, трансформировались в оригинальные коллекции, воплотясь в костюмы трепетных юных дев, переживающих пору зари жизни и влюбленности во все красоты мира. «Для меня ампирная линия таили, — говорит Слава Зайцев, — ассоциируется с чем-то бесконечно возвышенным, чистым, очень поэтичным». Взгляните: великолепная пластика, красота формы и линии, подчиненных телу, движению, позе, жесту, обнаруживают не-

Нынешний год начался для Славы Зайцева, первого российского кутюрье, с показа коллекции «Соблазн». А до этого были многие другие его премьерные коллекции, и среди них — «Воспоминание о будущем», в которой воплотилось нечто глубоко русское. И прав был, безусловно, Пако Рабанн, назвав это откровение художника явлением, способным совершить переворот в сознании модельеров.

Поэтичное видение, щемящая мелодия грусти по утерянному, сверкнувшая в пленительных костюмах русская усадебная культура, мечтательная, уже клонящаяся к закату, — вершинное, на мой взгляд, создание Славы Зайцева. Нет другой коллекции знаменитого кутюрье, где с такой силой выразились бы его своеобразное мышление, исконно русская стилистическая чувств и бушующее воображение. Художник, всю жизнь воспевавший Гармонию и мечтающий, по его словам, хотя бы прикоснуться к ней в своем творчестве, поразил явственным проявлением ее в «Воспоминании».

Зайцев предложил не просто новую форму и силуэт. Эта коллекция — яркий художественный образ его Родины, несущий в себе идею возрождения ее культуры. Русский этнос, к которому так часто обращаются художники-модельеры не только в нашей стране, предстал в ней не парадом атрибутов стиля «а la russe». Мы увидели то, что можно назвать портретом русской души. Хотя сам Слава Зайцев, как выяснилось в интервью, не предполагал, какой глубинный смысл угадывается в его философской коллекции-спектакле.

«Мне хотелось, — сказал он, — уйти от безумия настоящего в эстетику одежды России прошлого с Бытом и миром чистых светлых людей, лучших представителей отечественной культуры. Спрятаться от кошмара действительности в пластичных, мягких, уютных формах, в которых отдыхалась бы душа».

Прошлое кажется ему более гармоничным. Он ищет опору в нем, а не в хаосе сегодняшнего времени. Кстати, и прежде его поиски новых образов заканчивались замечательными творениями, истоки которых были в прошлом. Одежда улицы и аристократического салона, простонародья и дворянского сословия вдохновила Славу Зайцева на создание новой эстетики, утверждение которой в ближайшем будущем он считает вполне возможным. Хотя, казалось бы, и нет сейчас общественной потребности в этом. Но кутюрье столько раз прогнозировал и предвосхищал будущий модный образ... Теперь же, сохраняя верность своим главным стилистическим

заурядный дар художника-графика и живописца (кстати, неизвестно, какую ипостась таланта Зайцева мы бы сейчас считали приоритетной, будь у него возможность интенсивно заниматься изобразительным творчеством). Силуэт моделей легкий, изящный, с мягкой покатостью линий плеча. Любимая им сарафанная тема обрела новый образ. Предельно женственные ансамбли из блузы, сарафана, длинного струящегося жилета, трапецевидные пальто с огромными воротниками и манжетами, нарядные вечерние платья и многослойные торжественные костюмы. И все это выполнено из великолепных австрийских и швейцарских шелков, белого батистового шитья, узорчатого кружева, роскошного бархата и парчи, изумительных новых ивановских ситцев и сатинов. Цвета коллекции — нежные пастели и любимая художником триада — красный, белый, черный как символический знак его Дома Моды.

Идею костюма логично продолжают в духе минувших времен капоры, плетенные вручную известным мастером-худесницей Тамарой Федорченко, и шляпы конструктора Дома Моды Галины Лапиной, созданные ею по эскизам Славы Зайцева. Мужская коллекция не менее достойна. Сюртуки, ридинготы, камзолы, фраки, шелковые рубашки, разнообразные жилеты и, конечно, оригинальнейшие пальто — то приталенные, расклешенные, с воротниками-кокилье, или с силуэтом шинели минувшего века. Кстати, пальто хотелось бы отметить особо за изысканность силуэта и элегантность. Образ русского денди блестяще интерпретирован автором. Как и всегда, художник признается в этом творении в своей неизбывной любви к идеям русского национального костюма — не только простоте его кроя и насыщенному цвету, но и декору. Золотое шитье, аппликации щедро украшают камзолы, фраки, сюртуки и нарядные туалеты дам. Такого представления Славы Зайцева о возможной одежде будущего, идеи которой мы видели. Но «Воспоминание о будущем» — это еще и спектакль, поставленный им по всем законам театрального действия. И концепция коллекции неотделима от философской основы его.

(Окончание на 4 стр.)

ПЕРЕЖИТЬ ПЕРЕЖИТОЕ

(начало на 3 стр.)

Крупный художник в своих значительных творениях всегда выражает себя. Да и что наиболее ясно говорит о нем, как не его творчество? Не случайно под мрачную тему интродукции Шестой симфонии Чайковского, этой исповеди мятежного духа и страдающей души, в скудном освещении подиума мечутся «достоевские» барышни и смятенно бродят молодые люди. Перед нами драма одиночества и крушения надежд. Чувства растерянности, пустоты героев — это и наши переживания, и самого автора. И за кажущейся простотой сюжетной канвы кроется его неприятие действительности и противостояние ей. Слава Зайцев — человек беспокойной, мятущейся души. А дисгармония последних лет нашей жизни не могла не наложить отпечаток на его мироощущение. Потому и начинается спектакль с хаоса как олицетворения мира, в котором возвышенные чувства терпят крах. Любое творчество — это способ борьбы с реальностью. Создание кутюрье — не исключение. Но Слава Зайцев — созидатель и романтик, все еще надеется... И дарит эту надежду на выздоровление Родины и нас самих нам, таким же измученным, как и он. И не мог быть финал спектакля без этой надежды, света, праздника. Ведь все его творчество всегда было эмоционально-радостным. Выход из хаоса он видит в единственно возможной форме органичного существования людей, живущих по мудрым законам народного общежития — «Все за одного, один за всех», в соборности, нравственности и общности культурных ценностей, во всеобщем людском братстве. Праздник возле храма, а именно таким был первоначальный вариант эпилога, венчает спектакль. Я думала, не один раз присутствуя на этом зрелище, что идея соборности у Славы Зайцева — мое прозрение, но вот открыла недавно книгу его стихов и прочла:

... Истерзанная,
Рвущаяся к свету и чистоте,
К гармонии,
Душа
Уж не находит исцеленья.

Спасение — в соединении
душ,
Объединенных Верою в
Надежду
И Любовь,
Чему есть имя — Бог!

Через сплав реального и фантастического Славе Зайцеву удалось не только наполнить чувствами сердца зрителей его «Воспоминания», но и взволновать их до потрясения, до состояния катарсиса. А это по силам лишь очень большому Художнику.

Галина МИЩЕВСКАЯ.
(Журнал «Красота»)